ВОПРОС В ЛОБ Андрею ФУРСОВУ

Начало — на стр. 1

Андрей ФУРСОВ, историк. Это следующие темы: лагеря (ГУЛАГ) (отсюда тезис о коллективной вине и призывы к ныне живущим к коллективному покаянию за "преступления сталинизма"); Сталин и победа в войне а) сверхдорогой ценой, б) вопреки Сталину, в) победил народ, а не система. Вот и весь набор — лживый, тупой, но ничего другого у них нет.

Обратим внимание: Познер выдёргивает "сталинские" и "гитлеровские" лагеря, приравнивает их — и там, и там кошмар. Но ведь лагеря — это везде кошмар. Не только в СССР и в Третьем рейхе, но также лагеря, куда во время англо-бурской войны британцы швыряли буров с их жёнами и детьми; австрийские лагеря для славян во время Первой мировой войны; польские лагеря, в которых после советско-польской войны было замучено и заморено голодом более ста тысяч красноармейцев. Но Познер сравнивает именно советские ("коммунизм") и немецкие ("нацизм") лагеря, чтобы типологически подтянуть СССР — к Третьему рейху, а коммунизм — к нацизму. Такой подход находится в русле той пропагандистской войны, которую Запад ведёт против РФ (соответствующие решения Совета Европы, кампании в СМИ и т.п.). Совершенно понятно, на чьей стороне здесь Познер и какую задачу он решает.

Приравнивание "сталинизма" и "гитлеризма", СССР и Третьего рейха, помимо прочего, решает задачу возложить равную вину за развязывание Второй мировой войны на Германию и СССР, чтобы таким образом обесценить нашу Победу. Показательно, что разговоры подобного рода с постоянством резко активизируются в канун 9 мая. Тема вины и покаяния за неё поднимается для того, чтобы обесценить советскую историю, советский опыт и, главное, советские достижения. Признание вины и покаяние (причём коллективно каяться должны ныне живущие за то, что происходило почти сто лет назад — в другую эпоху, жившую совсем по другим нормам во враждебном окружении, в преддверии войны) лишает народ воли и идентичности.

За требованием каяться скрывается, по сути, требование признать неправильной, отклонением от "нормы" нашу историю в XX веке. А поскольку неправильным называют и самодержавие, то вся русская история оказывается отклонением от "нормы", которой объявляется, конечно, Запад, столь любезный Познеру. В связи с этим вопрос: а что же тогда Познер делает в столь нелюбимой им России? Надо уезжать на Запад, как ему это и посоветовал Дмитрий Певцов. Но в том-то и дело, что на Западе Познер никому не нужен, и не только потому, что он плохо образован и не блещет интеллектом, — он должен заниматься антисоветской, а по сути антироссийской пропагандой именно в России. Нелегко Познер свой хлеб зарабатывает: есть и гадить в одном и том же месте — сомнительное удовольствие. Впрочем, как говорят жители его любимой страны: "Avec de la patience on arrive à tout" — "Терпением можно достигнуть всего". В данном случае главное — потерпишь и принюхаешься.

У покаяния как акта есть одна серьёзная проблема. Покаяние — акт сугубо индивидуальный, личностный. Коллективного покаяния не бывает — как и коллективной вины. Сама идея коллективного покаяния вытекает из идеи коллективной вины, производна от неё. Тема коллективной вины как таковой активно муссировалась нацистским режимом. Затем коллективную вину — ответка — возложили на немцев англосаксы и евреи. Неизмеримо более гуманным был подход к немцам Сталина — вождя страны, больше всех пострадавшей от гитлеровского режима. Заявив, что гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остаётся, Сталин снял вину с немецкого народа, возложив её на нацистский режим, разведя народ и режим. Познер же полагает, что вину разделяет и немецкий народ. Так же считали англосаксы, подвергшие варварским бомбардировкам именно гражданское население Германии фосфорными бомбами, а гражданское население Японии — атомными (Хиросима, Нагасаки), хотя ни в отношении Германии, ни в отношении Японии никакой военной нужды в этих бомбардировках не было. Но я что-то не слышал ни призывов либеральной публики в РФ к англосаксам каяться за эти преступления, равно как и за уничтожение миллионов индейцев, индийцев, африканцев — а ведь такие преступления против человечности срока давности не имеют. Однако претензии у этой публики только к СССР, только к русским.

С учётом того, что покаяние — акт индивидуальный, можно порекомендовать Познеру начать с себя и покаяться за то, что долгие годы обслуживал тоталитарный (если пользоваться его терминологией) режим, успешно делал в нём карьеру. Я хорошо помню его внешнеполитические комментарии советских времён. Понятно, что далеко не только Познер колебался и колеблется "вместе с курсом партии", но не надо призывать к покаянию других, это — как вера, дело интимное.

Три четверти века прошло со времени Победы советского народа в величайшей войне. Величайшей для нас она была не только по количеству жертв. Суть в том, что Третий рейх, гитлеровский режим, в отличие от всех исторических противников России, поставил задачу физического и метафизического уничтожения русских и других коренных народов России, стирания нас из Истории, чего не планировали ни французы в 1812 году, ни германцы в Первую мировую. Поэтому для исторической России ставки в Великой Отечественной войне были высоки, как никогда и ни для кого в истории. И то, что советский народ одержал Победу, говорит о нескольких вещах.

Во-первых, о силе советского народа, и, в первую очередь, стержневого, государствообразующего русского народа. Поэтому после войны Сталин и произнёс свой знаменитый тост: "За русский народ!" Во-вторых, это была победа социалистической системы в её сталинском варианте, победа сталинской системы. Перестроечная и постперестроечная шпана постоянно твердит, что "Победу одержал народ, а не система", "Победа одержана вопреки системе", "Победа одержана вопреки Сталину", "Позор сталинизму!" (так и вспоминается шакал Табаки из "Маугли" с его "Позор джунглям!"). В "вопрекистских" агитках логический идиотизм доходит до предела! Суть в том, что народ, не организованный в систему, — это толпа. И то, что произошло с Российской империей на фронтах Первой Мировой в 1917 году, это демонстрирует, как сказал бы Набоков, со "стеклянной ясностью". В войнах побеждают системы. Причём наша система победила не только на фронте, но и в тылу. Победил дух советского патриотизма. Люди знали, за что они бьются.

Про 1930-е годы нам талдычат, что это репрессии, и больше ничего. Репрессии, которые представляли собой последний этап холодной гражданской войны, — бесспорно, трагедия. Однако это — лишь одна из сторон очень сложного, многостороннего процесса становления новой системы, и мерить этот процесс, оценивать его только с точки зрения репрессий — грубая ошибка. Почему-то к погрому 1990-х наша либероидная публика подходит совсем с других позиций, забывая о ежегодной убыли населения в 800-900 тысяч человек.

Именно в 1930-е годы был выращен, воспитан модальный тип советской личности. И этот модальный тип личности советского человека сломал хребет вермахту. Этот человеческий тип верил в победу — свою, своей страны, своего строя. Как рассказывал мне отец, сразу после окончания академии им. Жуковского ушедший на фронт, закончивший войну в Берлине и расписавшийся на Рейхстаге, ни у него, ни у его друзей не было сомнений в победе даже летом 1941 года.

Кстати, именно в июле-августе 1941 г. был заложен фундамент Победы. Да, были поражения, было несколько миллионов пленных, но самое главное — это сопротивление Красной армии, её контрудары сорвали блицкриг — а Гитлер мог победить только блицкригом. Советская армия у него эти месяцы жёстко отобрала, лишив шансов на победу, и уже в сентябре-октябре 1941 г. некоторые генералы вермахта записывали в дневнике, что войну им выиграть не удастся.

Встречая 75-ю годовщину Победы в Великой Отечественной войне, мы, конечно, должны помнить о цене, которую мы заплатили, но мы также должны помнить и о том, что победили не отдельные люди, не сумма людей, а надличностная система со стержнем в виде модального типа личности, воспитанного в 1930-е годы. Повторю: эти годы нельзя сводить только к репрессиям, и к лагерям. Ну, а нам остаётся быть достойными победителей.

Post Scriptum. С экрана к нам обращается поживший человек. Он нам лжёт. Он лгал всегда: в советское время — в пользу советского режима, в антисоветское — в пользу антисоветского. Менялись режимы, а ложь никуда не девалась — ложь как способ бытия. Верующий человек мог бы задуматься — ТАМ, после смерти за ложь надо будет отвечать. Перед атеистом такой вопрос не стоит. Однако его ситуация в этом плане ещё тяжелее. Как сказал один из героев романа Франклина Йерби: "Иуда, брат мой": "Смерть — не наказание, жизнь — наказание". Жизнь как перманентная ложь — что это, если не страшное наказание? И если ТАМ ничего нет, если всё — только здесь, то, выходит, экзистенциально у перманентного лжеца ничего и не было, кроме сплошного наказания, даже если оно обеспечивало сытную пайку. О том, что жизнь во лжи — это рабство, я уже и не говорю. Прав был Альбер Камю: "Свободен тот, кто может не лгать". Забавно, когда люди с рабской психологией, рабы по своей сути, пытаются учить других свободе, чести и достоинству. Проститутка, проповедующая добродетель невинности, и то выглядит приличнее.

Шамиль АЛИЕВ ВЕЛИКИЙ РАСПЕВ

Молитва за Победу

В МОЕЙ СЕМЬЕ хранится фотография мамы, на которой ей 90 лет: она распростёрла руки в молитве. Она, как и все мамы, молится за всю Вселенную, поэтому и говорят — Родина-мать.

У ровесников Победы (к числу которых принадлежу и я), особенно у тех, кто занимается грозным оружием, с возрастом понятие Победы приобретает особую глубину. Ведь известно: победа — это то, что ты можешь, а поражение — то, чего ты стоишь.

Сегодня, помимо совершенно оправданной, и, что называется, лежащей на поверхности, внешне проявляемой патриотической гордости за Победу, появляется потребность внутренней, глубокой гордости. Эта потребность поднять планку переживаний, прочувствовать их искренность, подлинна и явна. Как это сделать? Может быть, через знания, которые должны стать сознанием. Но далеко не во всех странах мира, не у всех людей знания являются сознанием. Главными тормозами на пути превращения знания в сознание, в моём представлении, являются агрессия и погоня за прибылью, которые буквально воцарились в современном мире.

За последние пять с половиной тысяч лет в истории человечества было зафиксировано около 16 тысяч войн. И каждый раз люди клялись, что эта война — последняя. Но снова наступали на те же грабли — развязывали войну. И виной тому — агрессия и прибыль. Я многократно подчёркивал, что любое производство должно быть не для прибыли, а для разумного потребления.

Даже в науке многие результаты сейчас носят агрессивный характер, поскольку они рождены иной цивилизацией — конкурирующей. Мы в разных цивилизациях достигли очень многого, получили впечатляющие результаты, а потому все страны сидят на пороховой бочке.

Знания концентрируют страсти, которые обладают невероятной силой, излучают её. У многих людей и в нашей стране, и в других странах мира знания стали силой. Но знания не везде и не у всех становятся сознанием. И потому люди не сознают, что знания являются украшением жизни, и в то же время — убежищем, которое спасает тебя от различных проблем. Опыт мировой цивилизации показывает, что знания определяют наш фокус, наш взгляд, наш подход. А при преломлении фокуса наступает новая степень свободы, и потому появляется новый взгляд, который и может стать спасением.

За всю историю человечества было несколько прорывов духа — это Библия, учение Будды, текст Корана. Эти прорывы основаны на божественном качестве восприятия, которым Вселенная одарила людей. А восприятие этого божественного первоначального прорыва духа держится ныне только на аддитивной решётке, то есть на сложении частей.

Но фундаментальная наука имеет определённый прогноз. Он, конечно, как и все прогнозы, вероятностен и гласит, что восприятие, которое сегодня держится на аддитивной решётке, со временем перейдёт в восприятие на мультипликационной решётке. Или же и то, и другое будет существовать одновременно, и тогда появятся два крыла, которые позволят человечеству сделать мощный разбег, толчок, полёт, парение и посадку.

Интересно то, что раньше в силу своей таинственности знания распевались. А заседания первой академии учёных мужей происходили в пещере, чтобы ничто из внешнего мира их не отвлекало. Мне кажется, что Победа — это явление не только политическое. Да, все страны используют победу в политических целях. Но, на мой взгляд, от победителя требуется ещё и некоторая распевность. Что это означает? Мы придумываем, строим в порыве нашего сознания некий виртуальный мир-храм. Служба, передача из этого храма на всех мировых каналах идёт в виде привычного для всех стран, а особенно для России, речитатива, распевания на основе силлабической или силлабо-тонической системы. А какова цель этих передач, этих служб? Влияние. Потому что выстраданная мысль обладает немалой "радиоактивностью", и распевное произношение чего бы то ни было впечатляет всех больше: и молодых людей, у кого ещё не окрепло сознание и не сформировался дух, и людей со сформировавшимся сознанием.

И вот о чём в этой связи я подумал. Отец мой воевал под Сталинградом, дядя пал под Ленинградом, я учился в Ленинграде. Я занимаюсь оружием — оружием грозным. И переживаю, как все российские люди, думая о том, сколько человек погибло на войне. По ним должен постоянно звучать некий реквием, не нагнетающий, не подавляющий своим трагизмом, а такой, что позволит человеку прислушаться к своему "шестому часу". Шестым часом я называю то время, когда человек отходит от повседневных дел и направляет размышления, "фары", внутрь себя. Ведь Победа — это ещё и переживание, которое позволяет вздрогнуть, встряхнуться. Переживание трогает сначала самого человека, и, если это искренне, если сила переживаний переполняет человека, то это передаётся от него дальше, словно эстафета, и человечество может сделать пусть небольшой, но шаг к совершенству.

Важно в этом деле не достижение какого-то результата и не победа, а постоянная борьба за победу. Победа как таковая не всегда достигается каждым, кто добивается своего. Но все победы нужно рассматривать с точки зрения того, что человечество должно быть более счастливым, менее увлечённым прибылью и агрессией.

И становится хорошо даже от одного понимания того, что есть люди, которые всегда гнут свою линию, стоят на своём. Это газета "Завтра", это Проханов, который постоянно говорит о русской душе. Он приехал в Дагестан и в моей лаборатории говорил о Русской Мечте со мной — с человеком, который родился на "крыше Земли". Потому что он знал, что говорит с человеком, который точно так же всё переживает, как и русский Иван. Ведь на моём родном аварском языке никогда не было написано ни математики, ни физики, ни механики. И мы видим, что от интеграции добрых душ происходит настоящее чудо, и это позволяет людям, говорящим на разных языках, каждому на родном языке переживать историю своего народа, как и переживать всё это на русском языке. Русский язык стал словно родным, а для науки — это язык, на котором говорят все и все понимают друг друга. И вот тогда возможен полёт. Пусть и небольшой, пусть не очень далеко, но полёт настоящий, естественный. А ведь с одним языком — это как с одним крылом: не может быть ни разбега, ни отрыва. Итак, попробуем сделать хотя бы небольшой шаг к сквозным знаниям под знаком спасения и в час Бога.

В канун праздника я хотел бы поздравить всех с Днём Победы! И, в первую очередь, тех, кто родился в советскую эпоху, кто победил, поздравить хочу своих ровесников — ровесников Победы. Хочу пожелать всем стараться воспитывать и в себе, и в других ответственность за тот взгляд, который должен формироваться у великих людей, у великих народов. Все народы — великие, но есть ещё масштаб их величия.

Я думаю о необходимости реквиема по погибшим — во мне всё время звучит эта мелодия, звучит по-разному. Иногда на восточный лад. Иногда на лад других народов, с песнями и притчами которых я знаком. Нам в наследство досталась великая история от людей, которые обладают особой крепостью души. Они достойны нескончаемого реквиема в наших душах. И не только.

Автор — генеральный конструктор САПР ОКБ завода «Дагдизель»

* * *

Когда это будет, не знаю:
В краю белоногих берёз
Победу девятого мая
Отпразднуют люди без слёз.

Поднимут старинные марши
Армейские трубы страны,
И выедет к армии маршал,
Не видевший этой войны.

И мне не додуматься даже,
Какой там ударит салют,
Какие там сказки расскажут
И песни какие споют.

Но мы-то доподлинно знаем,
Нам знать довелось на роду, —
Что было девятого мая
Весной в сорок пятом году.

Сергей ОРЛОВ

1945 год. Берлин. Музыка нашей Победы

БЕССМЕРТНАЯ ПОБЕДА

9 мая — не отменить

В НАШЕМ ДОМЕ в родном городе Ижевске жило много бабушек. Моё детство — это бесконечные — и летом, и зимой — игры во дворе, на улице, и бабушки, сидящие на лавочке у нашего подъезда. Они все были в платках, почти всегда — в белых, по праздникам надевали более нарядные — цветные. Мы, дети, бегавшие во дворе, с ними прекрасно и органично сосуществовали: бабушки приглядывали за нами, то и дело делали нам замечания по поводу поведения, никогда не ругали, а лишь одёргивали: то мы шумели, то в азарте игры пробежали по клумбе. А мы по их просьбе шли в магазин за хлебом, молоком или квасом, поднимали сумки тем, кто жил на верхних этажах. Это было совершенно привычно: они окликали любую из нас и говорили: "Сбегай-ко за хлебом". При наших бабушках, вот вспоминаю, не было дедушек — ни у одной. У кого-то были дети и внуки, кто-то был одинок. И каждую бабушку отличала своя речь. Они все говорили по-своему, причём их говор не был похож на местный.

Жило в нашем доме несколько инвалидов: безногий дядя Коля Ковалёв, папа сестёр Андреевых, не помню имя однорукого соседа из четвёртого подъезда. В детстве мир вокруг себя воспринимаешь как данность. И наши бабушки, наши безногие, безрукие соседи — это была наша жизнь, её ежедневная данность.

Позже я поняла, что говорящие на разных диалектах бабушки были эвакуированные во время войны. А одинокие — это вдовы. Большинство из них приехали в наш город вместе с заводами, которые были переправлены на Урал, в Предуралье, и основали мощную промышленность — оборонный комплекс страны. А инвалиды — это фронтовики, которых в моём детстве было ещё много, это была обыденность. Награды они надевали редко, и казалось, даже стеснялись этого, словно они своё геройство демонстрируют.

На городских кладбищах в Ижевске, в глубоком тылу, немало воинских захоронений — могилы умерших в госпиталях бойцов.

А день 9 мая всегда был очень радостным праздником: шествия, возложение цветов к могиле Неизвестного солдата у Вечного огня, песни военных лет по громкоговорителям на улицах, плакаты и транспаранты. И непременные мамины пироги. И мамины тихие слёзы: мой рано ушедший от тяжёлого заболевания папа был фронтовиком, награждённым медалью "За победу над Японией". Мама с папой познакомились в Сибири, куда он вернулся, демобилизовавшись, и куда мама была ещё во время войны направлена по окончании техникума. На редких папиных фотографиях он везде — в полувоенном френче, в галифе и сапогах.

Если и есть во мне что-то хорошее, то это — от мамы: врождённое ли, воспитанное ли. Всё плохое в себе я развила сама. И именно от мамы — бережное отношение к продуктам. В маминых глазах преступлением было — испортить продукты. Она это очень переживала и даже чувствовала свою вину и перед теми, кто произвёл еду, и перед голодающими во время войны. Человек сдержанный, она вспоминала, как во время войны люди ходили к хлебокомбинату вдыхать запах выпеченного хлеба, и казалось, что голод, хоть немного, отпускает.

Без слёз она не могла смотреть парады Победы. И как-то промолвила, словно самой себе: "Наш главный праздник". Я, тогда комсомолка, парировала: нет, 7 ноября — главный, если бы не революция, то нашей страны бы не было. Мама в своей мудрости с нами не спорила, просто говорила: "Вырастешь — поймёшь". Я выросла. И поняла.

Время убедило: мама была всегда и во всём права. День Победы — наш главный праздник.

НЕЗАБЫВАЕМОЕ празднование Дня Победы в Восточной Германии, где в гарнизонной школе посчастливилось работать. Колонна советских учеников строится и начинает движение по просёлочной дороге, ведущей от гарнизона, где живём и работаем, до городка, на окраине которого мы разместились. Во главе колонны — военный духовой оркестр. Форма одежды учеников и военных — парадная. Ученики в белых рубашках, пионерские галстуки на груди, комсомольские значки. Шествие направляется к памятнику на могиле советских воинов для возложения цветов и венков. Движение колонны начинается под "Марш славянки", который задаёт ритм движению, затем звучат первые аккорды песни "Взвейтесь кострами, синие ночи", её запевают все учащиеся. Далее следуют "Орлёнок", "А ну ка, песню нам пропой, весёлый ветер"… "Мы — кузнецы, и дух наш молод", — поют звонкими неокрепшими голосами 10-15 летние школьники, задорно топая по грунтовой дороге. Часовое движение колонны — под песни. В городе, выйдя на аллею, ведущую к памятнику, оркестр замолкает, только барабанщик размеренно бьёт в барабан: бом, бом, бом. Эти одиночные звуки задают другой ритм движению колонны, которая молча идёт к скверу, где установлен монумент, там выстраивается. Представители классов, участвующих в церемонии, советские и немецкие солдаты и офицеры идут на возложение. Салют: залп винтовок, очередь из автоматов… После церемонии возложения колонна направляется в городской парк. Мы усаживаемся: кто на скамейки, кто на землю, наш военный оркестр выходит на сцену летней эстрады. "В городском саду играет духовой оркестр", "Ночь коротка, спят облака", "Не слышны в саду даже шорохи", "Эх, дороги", "Плещут холодные волны", "Вот солдаты идут", "В полях у Вислы сонной". Два часа звучит духовая музыка. Послушать оркестр пришло множество немцев. Смахивают слёзы даже молодые. По окончании концерта устраивают овации, кричат: "Браво!" Младшие школьники устали, поэтому их челночным способом класс за классом увозит гарнизонный автобус, а старшеклассники отправляются обратно пешком.

Вечером в гарнизоне — парад в честь Дня Победы. Колонны военных двигаются по плацу под маршевые песни. Затем выстраиваются в шеренги вдоль плаца, и многоголосый хор солдат и офицеров начинает петь песни военных лет, песни, посвящённые Победе. "Вставай, страна огромная", "Артиллеристы, точный дан приказ", "Победа, Победа". И грандиозный салют. Невозможно забыть.

В ЭТОМ ГОДУ не будет Парада Победы, не пройдёт Бессмертный полк. И я предлагаю провести марш Бессмертного полка, выставив в окнах наших домов фотографии своих фронтовиков: отцов, матерей, дедушек, бабушек — всех родственников. Мой дядя — Платон Еремеевич Тюкалов, военный лётчик, награждён орденом Красной Звезды. В окнах домов выставить и фотографии командующих фронтами, маршалов, главнокомандующего Победы генералиссимуса Сталина.

"Помним. Любим. Благодарим."

Екатерина ГЛУШИК

БЕЛЫЙ КОТ НА ВОЕВОДСТВЕ

КАК Я ПОМНЮ ПЕРЕСТРОЙКУ

«А они снесли дом...»

35 ЛЕТ МИНУЛО с начала перестройки. Целое поколение выросло.

Сейчас перестройку и Горбачёва вспоминают кто с горькой усмешкой, а кто и с непроходящим негодованием.

Что я помню о том времени? Помню всеобщее вначале положительное отношение к перестройке и лично к Горбачёву. Не восторг, а просто положительное отношение.

Горбачёв удивил всех своими разговорами с гражданами на улицах, да и просто способностью говорить без бумажки. До этого товарищ Брежнев с большим трудом что-то читал по писаному, вызывая одну только мысль: "Этот человек скоро умрёт". Выступлений Андропова и Черненко почти и не было. И вот Горбачёв — словно дуновение свежего ветра. Пресса называла его "молодой политик". Как всё относительно в этом мире: Ленин аккурат в том же возрасте умер, и считался стариком. Но "молодой политик" без труда ходил и внятно говорил. Что-то хорошее говорил! Советские люди были изумительно доверчивы и не избалованы.

Хотел ли кто-то из простых людей завести капитализм, распустить СССР? Среди моих знакомых таких не было. Заметьте: я принадлежала к верхней страте советского "среднего класса". Возможно, в каких-то кругах, близких к диссидентским, подобные идеи могли циркулировать, но лично я таких людей не знала. Общественный интерес к диссидентам, самиздату и прочим подобным материям был близок к нулю. Это уже потом многие наладились врать, как они страдали "под гнётом тоталитаризма", но тогда так не думали. На момент начала перестройки СССР был нашей общей родиной, социализм — не столько образом правления, сколько образом жизни, чем-то вроде воздуха, которым все мы дышали: а как иначе-то может быть? В 1987 году Горбачёв выразил общее мнение, заявив, что социалистический выбор — это выбор народа навечно.

Вся перестроечная критика началась с того, что в СССР мало социализма. Что социализм плохо реализован: головотяпски, бюрократически, и надо его исправить. С этим соглашались практически все.

Чем были недовольны? Чего не хватало моим друзьям, знакомым, соседям?

Когда-то Маркс учил, что рабочие сами способны додуматься только до трейд-юнионистских представлений, т. е. до экономических целей, а идеи общественного устройства в их среду должны быть привнесены извне. Точно так же было и с советским народом. Все эти права и свободы, а также демократия, без которых люди якобы "кушать не могли" — всё это было именно привнесено извне. А простым людям и вещей хотелось простых. Побольше потребительских радостей: жилья и всего, что с ним связано, шмоток модных, вообще чего-то яркого, завлекательного — всё равно, кафе или магазина. Я и мои знакомые — тогда это были по большей части молодые семьи, которым часто не хватало жилья и непонятно было, как его заиметь. У некоторых даже деньги были, но вступить в кооператив было нельзя, т. к. там требовалось иметь очень мало метров жилплощади на человека, а у них, как назло, было какое-то превышение. Раздражало отсутствие простых вещей. Например, детских хлопковых колготок. Когда я растила сына, это был страшный дефицит: увидишь — сразу хватай, да побольше! А когда растила дочку — эти х/б колготки уже лежали на каждом рынке. Так я накупала эти колготки в совершенно неразумных количествах, просто невротическая реакция была: раз колготки — надо хватать.

Модные вещицы, общепит — всё это естественное поле деятельности мелкого частника. И правильно, что в 1987 году разрешили кооперативы, т.е. частные предприятия. При разумной промышленной политике они бы развивались и производили то, что было нужно людям. Но для этого надо было не пускать на рынок вал китайского ширпотреба.

Хотелось ли свободы? В некотором смысле — да. Но вовсе не многопартийности и всей этой муры. Хотелось какой-то "своей игры", чтоб можно было что-то своё задумать и организовать, а тогдашняя система этого почти не позволяла. Помню, воспрещалась почему-то йога, даже облавы были. Моя знакомая при советской власти много лет пробивала курсы иностранного языка, обучавшие по её методике, да так и не пробила. Вот эта железобетонность не только экономики, а вообще всей жизни — и вызывала раздражение.

Надо было направить энергию народа в созидательное русло. А её направили в разрушительную болтовню. Фрондирующая интеллигенция почувствовала свой звёздный час и стала воспитывать презрение к нашей стране и её прошлому: факты ведь всегда можно подобрать для иллюстрации любой идеи. А советские люди были идеологически девственны: что написано в газете — то и правда.

Совершенно очевидно, нельзя было одновременно болтать и перестраиваться. Сложный, трудный, да и опасный манёвр — дозволение частной экономической инициативы — должен был сопровождаться усилением, а не ослаблением государственной дисциплины. Всякой дисциплины: идеологической, информационной, финансовой. Это азы управления на любом уровне. Чтобы совершить трудный манёвр, надо крепко держать руль в руках, а Горбачёв и К° его бросили. Потом они врали, что всё было именно так и задумано.

Мой сын как-то сказал: надо было переклеить обои, а они снесли дом. Он — строитель, и мыслит строительными терминами. Наверное, так и было.

Татьяна ВОЕВОДИНА

Джульетто КЬЕЗА. "Цугцванг для человечества", публицистика. Справки по телефону 8 (985) 256-91-24